

Александр Холин

ЕККЛЕСИАСТ

Александр Холин

Екклесиаст

«Автор»

2014

Холин А. В.

Екклесиаст / А. В. Холин — «Автор», 2014

Откуда на людей сваливаются удивительные происшествия? Вопросов и ответов может быть неимоверное количество, но стоит ли гадать на кофейной гуще? Ведь всё что происходит с нами, дано для понимания своего жизненного пути. В книге с героем случается многое, ранее ему неизвестное. Оказывается, существует связь времён, и наше прошлое может легко обозначить настоящее и даже прописать будущее с помощью подзабытой науки паралогии. Но для чего тогда жизнь, если за нас кто-то давно всё прописал и расставил по своим местам? Наш герой, путешествуя по разным эпохам, знакомится с давно забытыми, но необходимыми человеку знаниями. Перед ним стоит дилемма: либо согласиться стать Екклесиастом и включиться в команду бессмертных, либо выбрать свой личный путь, который у каждого человека только один, но обособленный, отделённый от каких-либо клубов, команд, избранных эскадронов и т. д. Если человек выбирает то, что от него ждут, – жизнь течёт по накатанному сценарию, если же выбирает альтернативу, то жизнь потечёт по другому руслу, но уже выбранному самим человеком.

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Холин

Екклесиаст¹

Мистико-криптографический детектив

Всё сущее берёт начало оттого, что существует, а вещам, не существующим невозможно стать сущими.

Гермес Трисмегист

Для религии только святое – Истина, для философии только истина свята.

Л. Фейербах

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

В наше время на сцене жизни очень часто появляются удивительные, иногда совсем даже неадекватные вещи. Одно спасает: этот мир остаётся пока ещё во власти книг. А самое важное, что наиболее читающей страной во все века считалась Россия.

Недаром, западные мудрецы постоянно восхищаются «таинственным русским характером». Если человек вырастает, веря в Бога, мечту, исполнение желаний и любовь, значит «нужные книги ты в детстве читал».²

Были, конечно, неоднократные полоумные вспышки погружения человека в виртуальное чтение, в виртуальное мышление, даже в виртуальную любовь и виртуальный секс. Всё новое увлекает. И земноводные постарались не остаться в стороне. Особенно, как всегда, заинтересовалась нововведениями любопытствующая молодёжь. А что: трудиться над чтением необязательно, надел виртуальный обруч на голову и порядок – мозг воспримет любое начитывание текста или воспроизводит образ девушки твоей мечты, которая покажет такую страсть сексуального искусства, что из виртуального мира просто вылезать не захочется..

Может быть всё бы хорошо получилось, изобретение всё-таки! прогресс! победа технократии! Только странные дела стали случаться с людьми. Юноши, готовые не сегодня-завтра стать мужчинами, совсем перестали глядеть на девочек. Не все, конечно, но такие юношеские закидоны тут же сказались на демографии человечества, то есть, деградация вместе с последующим исчезновением обеспечена и записана золотом на заветных скрижалях! Это ли не радость дьяволу: не надо никаких Антихристов, Армагеддонов и Апокалипсисов! Человек сам уничтожает себя – это ли не истинная победа Сатаны над сознанием, совестью, разумом и чистой неиспорченной любви?!

Личность, закованная цепями технократии, попавшая в паутину виртуальных иллюзий превращается в её биологический придаток. Такое сказывалось и сказывается особенно на юных виртуальных виртуозах: мальчик, поднявшись из-за компьютера, очень часто не может сделать обыкновенный шаг обыкновенной ногой! То есть мозг отдаёт команду ходьбы, а вот ноги отказываются слушаться. Чем не деградация с ярко выраженной дистрофией? Разве такого программного виртуоза станут привлекать обыкновенные девчонки, за которыми поухаживать надо, а иногда и подраться со сверстниками. Конечно же, виртуальный виртуоз вместо всего этого войдёт в нужную программу, скажем, сексуальной любви, выберет себе послушную «тёлку», которая примется улаживать мальчика до посинения мозговых извилин, если таковые у него ещё останутся.

Всё это присутствовало в жизни, конечно, и раньше, только не в такой степени. Некоторые учились медитировать, некоторые от рождения способны были уноситься в астрал и гулять там, не создавая паники ни психике, ни физиологии человека. Испокон веков существовали на земле Проповедники, черпавшие откровения чаще всего или из снов, приходящих к любому человеку без разрешения, или же из, казалось бы, совсем непредвиденных и незапланированных случайностей, когда человеческая душа находится в непосредственной близости к inferнальному и потустороннему Зазеркалью. Ведь никто уже в наши дни не спорит о существовании параллельных миров, временных спиралей и путешествий по всевозможным точкам человеческого бытия. Веками человек старался проникнуть за грань невидимого, или за грань того, что он видит, но чаще всего любопытствующих пока не пускали за грань невидимого, потому что люди находились совсем не на той ступени развития.

Собственно, отсюда и возникли всевозможные толкования снов и различные поверья, разрабатывались и утверждались веками народные приметы, не говоря уже о явленных миру

² Владимир Высоцкий.

чудесах. Даже различные науки существовали. Настоящие, признанные потом антинаучными, потому что скудости человеческого ума хватило ровно настолько, чтобы тупо во всеуслышанье заявлять по любому поводу: этого не может быть, потому что не может быть никогда!

Ещё задолго до Рождества Христова возникли Астрология, Символика, Магия, Алхимия, Хиромантия, Паралогия, Генетика, Левитация, – науки, которые изучали наши пра-прапраотцы в древнейшей из стран планеты, находящейся тогда чуть севернее нынешней Земли Франца Иосифа. Эти небольшие островки – всё, что осталось от могучего некогда континента Арктиды. Известно, что Арктида – континент на севере планеты – существовал задолго до Ледникового периода, что развивающиеся там цивилизации жили отнюдь не технократическими извращениями. Однако, и они не уцелели, допустив какую-то ошибку в общении с живым существом по имени Земля. Видимо, последствием этой ошибки явилась сдвинутая ось планеты и следом за этим жесточайшее оледенение, погубившее всё или почти всё живое.

Арктида, Гиперборея или Атлантида, как величали этот континент в разных странах, всё-таки не погибла бесследно и переселенцы из неё появились задолго до вселенского катаклизма, унося с собой потоки знаний, которые и поныне существуют в разных странах планеты. Знания эти нет-нет да и всплывают удивительными открытиями мудрецов и проповедников, поражая гордящееся умом население и заставляя усомниться в целях и смысле существования.

Астрология, Магия, Алхимия и Паралогия вместе с переселенцами Гипербореи перекочевала вдоль Рипейских гор, носящих ныне название Уральских, ближе к экватору. Там, на юге Рипейских гор, в столице царства Десяти Городов Аркаиме, когда-то родился Заратустра. Оттуда переселенцы принялись расползаться по всему миру, унося с собой зёрна космической науки астрологии, магии и паралогии – управления всеми энергетическими потоками планеты. А много позже стал известен тот факт, что восточным астрологам, то есть волхвам, явилась четырнадцатиконечная звезда, которая привела их в Вифлеем. Но об этом позже.

Сейчас же я хочу вернуться к снам, через которые проходит каждый человек, начиная с рождения и независимо от мирского статуса. Ведь сны – это первоначальная степень обучения той жизни, через которую каждый человек должен пройти, несмотря на своё паразитическое увлечение технократией. Так вот, расскажу один из снов, посетивший меня и внёсший в мою мирскую жизнь множество непредсказуемых приключений.

Глава 1

Пронзительная синяя осень была похожа на сумерки. Или это сумерки смахивали на осень, кто знает? Город охватывал всё пространство от земли до неба, оставляя сумеречным облакам совсем небольшое пространство вверху, будто бы вода, находящаяся на дне колодца, пытается рассмотреть всю ширь небесного пространства, но мешают срубы.

Я брёл по дну этого каменного колодца удивляясь, оглядываясь, и не находя ответа. Ответа на то, что же происходит сейчас в мире. Во всяком случае, мой родной город был не таким как всегда – он казался ирреальным, мёртвым, фантастическим. Не знаю, каким ещё, но с пространством случилось что-то невозможное. Казалось, опять какие-то нелюди пытаются уничтожить жизнь на планете, досаждая и насаждая Москву синтетическими бактериями симулякра.³ Хотя, что может случиться с Третьим Римом, который многие пытались прибрать к рукам, да не хватило ума, умения быть кому-то хозяйственником и хозяином? Ведь странной, особенно такой большой, как Россия, никогда не сможет «управлять каждая кухарка». Однажды Ульянов-Ленин-Бланк с бодуна уже пытался убедить в этом Государство Российское. Что из этого вышло, наверное, каждый русский вспоминает с дрожью.

Рим конца и Рим начала,
где история без дна,
где потомки Марциала
бродят в поисках вина,
где любой правитель – Август,
где любой мыслитель – шут,
где, конечно, я прославолюсь,
если раньше не сожгут
или на кол не посадят,
иль кнутом не засекут.
Здесь словами знатно гадают,
реки потные текут
с языков, газет, плакатов
в блеске улиц и витрин.
Рим дельцов, поэтов, катов,
я – твой раб и господин.

Третий Рим. Третий Рим. Как он не похож ни на один город в мире и в то же время соединяет в себе жизненную характеристику всех мировых городов, вероятно потому, что именно эта точка земного шара в настоящее время является его пуповиной. Тут же возникает вопрос: разве это возможно? Получается, что возможно. И нет ничего невозможного, особенно в столице. Поэтому не может быть ничего удивительного в том, что город пустой. Представляете, я увидел будто бы во сне или в бреду, или в действительности опустевший город! Чтобы Москва оказалась либо тенью города, либо городом теней – это какая-то фантазмагория. Или такое всё-таки возможно?

Конечно, обезлюдевший город – это не навсегда, но один какой-нибудь момент истории может обозначиться язвой на шкуре города. Поэтому столица, избавляясь от людей как от

³ Симулякр – синтетические бактерии, которые, попав в организм человека, способствуют развитию безволия, лени, равнодушия, пофигизма.

копошащихся кусучих насекомых, решила хоть немного побыть одна. У неё всё получилось без особых проблем, будто бы избавиться от населения городу не составляло труда.

И сейчас Москва, прикрывшись сумерками, как нищенским плащом, отдыхала в прекрасном и гордом одиночестве. А образ нищенского плаща возник потому, что всё пространство вокруг было не только серым, сырым, неудобным, а ещё чужим. Лишь кое-где окна домов блестели весёлым электричеством, значит, в домах люди всё-таки есть! Просто что-то случилось на улицах. А что?

Я шёл прямо в центр города по реверсной разделительной полосе Кутузовского проспекта. Далеко впереди просматривалась стела Дорогомиловской заставы и отделяющаяся от Кутузовского проспекта, Большая Дорогомиловка, ускользающая вправо. Самое интересное, что на сгибе левой руки у меня лежали красные розы. Этот букет картинно выделялся на повсеместном сером фоне. Скорее всего, цветы являлись единственным разноцветным пятном в безликой серой гамме домов и обезлюдевших улиц. Красный цвет служил вызовом всему серенькому, обыденному, примелькавшемуся. Роз было ровно одиннадцать. Почему одиннадцать и почему красные – это мне самому было пока неизвестно.

Серый город. Но почему он весь такой серый? Я никогда не представлял Москву такой! Даже в суровое военное время Великой Отечественной, столица не обижала своих обитателей мрачностью или серенькой одинаковостью. А сейчас дорога, по которой выпало мне прошагать ныне, серая; дома и деревья – серые; воздух – и тот серый! Всё же я дал себе труд внимательнее присмотреться к дорожному покрытию: нет, скорее, асфальт всё-таки голубой. Да, голубой, прямо как в Париже.

Вспомнилась давняя неожиданная заграничная турпоездка с заездом в Париж и – самое первое незабываемое удивление – голубой асфальт. Здесь под ногами был такой же. Но это не Париж. Во всяком случае, Париж никогда не будет серым. Или не был серым? Кто его знает, что там сейчас. А здесь даже редкие освещённые окна в домах с серым отливом. Совсем нет светящейся неоновой рекламы с кричащими латинскими буквами. От американизированной Москвы, то есть Москвабада, не осталось ни одного яркого пятна. Может, не обязательно рекламы, но без обычных уличных фонарей город представить сложно.

А, может, это не вечер? Может, наоборот, ранее утро – утро сырое? – потому что нет ни людей, ни машин, а небо серое-серое. Скорее всего, оно просто не может проснуться и просветлеть. Но Кутузовский проспект есть, есть и я, поэтому куда-то надобно двигаться, что-то делать, ведь никто бы не желал оказаться одиноко лежащим камнем посреди пустыни. Поэтому я, поскольку пока никому не мешаю, иду прямо по магистрали, по реверсной полосе. Но ни одной машины, ни даже велосипедиста. Ничего, хотя серый рассвет достаёт своей монотонностью, перекрашивая всё под себя.

Нет, не всё. В руках откуда-то букет красных роз! Об этом нельзя забывать. Одиннадцать штук. Это моя астральная цифра, то есть, как утверждал когда-то Велимир Хлебников, каждый человек имеет в потустороннем Зазеркалье число души. Интересно, а это счастливое число? Почему же совсем нет людей? Без них довольно дико, одиноко, неудобно. О, Боже! Может, в Твоём царстве появится хоть один? Пусть даже серый, но человек, но живой!

И ОН ПОЯВИЛСЯ.

Неожиданно, прямо передо мной возник высокий человек в виссоновой⁴ мантии. Такие носили только при царе Горохе, либо ещё при каком-нибудь Соломоне, но здесь, в родном городе человек в царской виссоновой мантии с лавровым венком на голове?! Вообще-то, город здесь ни при чём. Он был и есть родной, хотя выглядел странным немного в этот предутренний час. Может быть, город старался действительно отдохнуть от нас, суетливых, непоседливых, неутомонных, но откуда в нём я и этот – в порфире и венце?

⁴ Виссон – пурпурная царская мантия.

Всё же у нас в России и в наше технократическое время таких прохожих точно нигде не увидишь. Даже с крутого похмелья и с большого бодуна. А он – он просто стоял и всё. Нет, вероятно, всё-таки поджидал меня. Только почему я раньше, издавек его не увидел? Как он здесь оказался?

Вдруг, словно стрела кипчака, в воздухе просвистела мерзкая пронзительная мыслишка: город – без людей! Разве такое может быть? Нет, только во сне или... вот и этот случайный прохожий явился, как «или». Неужели мне неожиданно пришлось загреметь на тот свет и я шагаю не по светлому коридору, как принято, а по пустому городу, свободному от суетливых толп обывателей, от базарных и кремлёвских торгашей, от блюстителей исполнительной власти с оловянными глазами, от никуда не спешащих сумасшедших влюблённых и от дурачащихся весёлых студентов?! Неужели потусторонний мир такой же, как мой родной город, только обезлюдевший? Ведь всё выглядит очень реально, даже от необычного разгорячённого асфальта пахнет обычной креозотовой смолой. Кто знает, как уход в иной мир получается на самом деле? Все рассказы про какие-то там сиятельные коридоры, про турбулентную тряску, полёт и прикладное парение в потоках воздушной клоаки – это всё бредни для мазохистов или же слабонервных неврастеников.

Что потусторонний мир существует – это давно известно и доказывать не надо, только как мы туда переселяемся, не знает никто, пока сам не попадёт. Вдруг ниоткуда является или приходит какой-то псих в царской мантии и объявляет себя Великим Судией. К чему он может присудить и за что? Откуда ему знать про все, совершённые и несовершенные мной хорошие и не совсем хорошие дела, про мои любовные похождения в прошлой жизни и будущей? А если и узнает, имеет ли право судить? Сказано ведь, не суди, да не судим будешь! Мне кажется, этот постулат применим не только для людей, но и для ангелов, демонов... А может быть, и для Самого Вседержителя...

Вдруг, словно очередное смятение, словно феерический взрыв в голове возникло ещё одно стихотворение:

Я помню эти комнаты пустые:
сквозняк, какой-то люд, какой-то хлам,
и самые бессовестные,
злые
стихи мои ходили порукам.
Читали их убогие калеки,
беспечные, как тень небытия.
И от беды мои слипались веки,
и с ног сбивала воздуха струя.
А я хрипел им голосом осевшим,
что переправлю строчки набело.
Но кто-то глянул глазом запотевшим:
«Твоё на правку время истекло».

Между прочим, интересно узнать у тех же федеральных российских судей с запотевшими от судебных нагрузок стеклянными глазами: судят ли в потустороннем мире за любовь? Или потусторонние судьи тоже поголовно продажные? Интересно, сколько берут в Зазеркалье за осуждение любви? Конечно, можно придаться, что любить многих никак нельзя, что любить надо только одного человека, только один раз и никак иначе. Кем же установлен запрет любви, и какой любви? У одних народов духовную и физическую любовь находят только пары, как два лебедя, не могущих жить друг без друга, а у других в порядке вещей любовные гаремы, как у

петуха в курятнике. У третьих вошли в моду «шведские семейки». У «голубцов», например, существуют даже однополые браки. Каждому своё.

Некоторые, например, конкретно называют голый секс любовью. Может быть, у этих мозги расположены где-нибудь в гениталиях, не знаю, но любовь, настоящая любовь – это нечто другое, не поддающееся пока описанию ни на одном человеческом языке. И, если в потустороннем Зазеркалье людей судят за такую любовь и называют постыдной страстью готовность человека пожертвовать жизнью за свою любимую, то пусть лучше оставят истинный справедливый суд для себя. Ведь, в сущности, каждый получает по вере своей. И тот же Всепрощающий Всевышний никогда не сможет простить мазохиста, цель жизни которого только в самоистязании.

– Я, Екклесиаст, – вдруг заговорил стоящий предо мной человек. – Я, Екклесиаст, был царём над Израилем в Иерусалиме, и предал я сердце моё тому, чтобы исповедовать и испытать мудростью всё, что делается под небом: это тяжкое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нём.⁵

– Не понимаю, – немного взъерошился я, – весь этот спектакль с обезлюдевшим серым городом устроен только ради того, чтобы объявить мне, сыну человеческому, о непредсказуемых упражнениях нашего ума среди нас же? Что за дела?

– Видел я дела, какие делаются под солнцем, – вскинул глаза Екклесиаст. Затем широким жестом руки он показал на обезлюдевший город. – И вот всё это – суета и томление духа! Кривое не может сделаться прямым и чего нет, того нельзя считать. Говорил я с сердцем моим так: вот я возвеличился и приобрёл мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце моё видело много мудрости и знания. И предал я сердце моё тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что это – томление духа, потому что во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь. Тебе же я предлагаю имя своё, ибо именем жив человек и может именем же нарисовать нужную картину.

– Вот ещё! – усмехнулся я. – Мне кажется, овчинка выделки не стоит...

– Не спеши осуждать, – перебил меня Екклесиаст. – Тебе не осуждать, а проповедовать Богом отпущено. Ибо Проповедник – есть избранный и осуждённый на бессмертие.

– Бессмертие? – ядовито усмехнулся я. – Вот уж от чего откажусь с дорогой душой, так это от бессмертия. Настоящее бессмертие, в сущности, страшная вещь, если не сказать, что проклятие. Вспомни хотя бы еврея Ахашвероша. Тот прогнал Иисуса Христа с лавочки возле своего дома, хотя легионеры позволили Иисусу немножечко отдохнуть. Ахашверош сказал тогда: «Нечего сидеть у моего дома! Неси свой крест на Голгофу. А вот на обратном пути можешь и отдохнуть!». Иисус же ответил ему: «Что ж, жди меня». С тех пор Ахашверош не мог умереть, то есть получил бессмертие. У него было множество имён, но чаще всего Ахашвероша называют Вечным Жидом. Можешь предложить бессмертие как награду кому-нибудь другому, охотников в нашем мрачном мире – хоть отбавляй! А мне даже в голодный год за сто блинов в нагрузку такой подарочек ни к чему.

– Ты отказываешься от внимания небес? – удивился Екклесиаст. – Такое вольнодумство ещё никогда не оставалось без наказания...

Вдруг из серого сумеречного ниоткуда прямо навстречу мне вылетел ослепительно-белый Кадиллак с откинутым верхом. Он мчался со стороны центра города и по той самой реверсной полосе, где разговаривали мы с Екклесиастом. Здесь по реверсной полосе всегда носились правительственные и околоправительственные автомобили. Только моргающего «синяка» на кадиллачной крыше не хватало. Впрочем, откуда же у кабриолета крыша? Сквозь ветровое стекло я попытался разглядеть водителя, а там – никого! Или просто лобовое

⁵ Библия. Книга Екклесиаста (1:12–18).

стекло покрыто серой, в тон сумеркам, светозащитной плёнкой? А, может быть, наказание за вольнодумство не замедлило пожаловать?

Машина неслась навстречу: на пустом шоссе от неё деться просто некуда, даже времени никакого не хватило бы, чтобы добежать до ближайшей подворотни. Да и не пытались мы почему-то от неё прятаться. Проповедник стоял к автомобилю спиной и даже не оглянулся, чего ж мне суетиться?

На автомобильной морде вспыхнули фары, по две с каждой стороны – одна над другой. Кажется, это какая-то устаревшая модель – только и взбрело в мою пустую голову. Кадиллак пронёсся сквозь Проповедника, как в настоящем голливудском блок-бастере, и блестящим широким бампером ударил меня ниже колен. Вот не было печали, этого мне только не хватало...

Я почувствовал, что падаю на французский голубой тёплый асфальт. Pardon, на московский, но это ничего не меняло. Почти сразу послышался какой-то треск: вероятно, раскололся череп. Эта мысль пришла откуда-то со стороны, как будто резюме стороннего наблюдателя. Надо же, совсем не больно! Интересно, чем же эта мешпуха⁶ может кончиться?

И тут пришла боль: Дикая, Беспощадная, Оранжевая.

Я помню, как она пляшет, не отпускает, хохочет, кривляется, машет руками, сверкает глазами – издевается!

В этот момент сознание решило отключить меня от посланного на просмотр сна.

Но это тоже не меняло дела. Проснуться-то я действительно проснулся, мало ли каким сном-ужасиком решили меня побаловать сегодняшние чиновники из небесной канцелярии...

– Ой!... – раздалось где-то в груди.

Оказывается, на губах жалкий болезненный стон появился у меня самого, даже какой-то, скорее похожий на звериный хрип, перерастающий в сочное рычание. А боль? Боль не проходит, пронзает всё тело, не говоря уже о поражённых точках – на ладонь ниже коленной чашечки. Там у человека находятся точки ста болезней. Болят обе ноги, откушавших бамперное знакомство. Голова... голова течёт нытным измождением по подушке, жаркими волнами накатывает снизу от ступней и замыкается где-то на затылке тугим Гордиевым узлом разноцветных болей: каждая мучает по-своему, но с определённым аппетитом и умением.

Эта хищная свора набрасывается откуда-то из той сумеречно-серой... нет! уже чёрной пустоты, где нет ничего живого ни в снах, ни меж ними. На глазах выступают слёзы. Настоящие! Надо же, никогда в жизни не плакал даже в самых жестоких дворовых драках, когда шли стена на стену с намотанными на руку солдатскими ремнями, цепями и кольями. Не проняли меня слёзы даже при разрушении хрустальных замков первой любви. Так чего же рыдать-то: от боли или жалости к себе-любимому?

К счастью, перед глазами стал проявляться рисунок знакомого потолка, будто снимок на фотобумаге. Всё-таки inferнальная чернота понемногу рассеялась, потому что вползла не в своё время и приютилась, заманенная болью, не на своём месте. Оказывается давно уже утро, давно пора вставать, а я после виртуального сна очухаться не могу. Так можно и в действительности в ящик сыграть!

– Ксюша! – позвал я, но никто не откликнулся.

Тут я вспомнил, что вчера мы очередной раз поссорились с моей любимой и единственной из-за какой-то чепухи. Даже не ссорились совсем, а просто фыркнули друг на друга и разбежались по разным своим делам и в разные стороны столицы. Оказывается, человеку действительно необходима его половина. Ведь в таком непредсказуемом случае я ничуть не отказался бы от помощи моей нежной проказницы, тем более, что мистический сон принёс мне

⁶ Мешпуха (американо-еврейский сленг) – тёплая компания.

что-то новое. Это новое само без разрешения поселилось где-то здесь, то ли в комнате, то ли в моей душе и не собиралось уходить.

Сначала я с опаской ощупал голову. Цела. Зрение тоже восстановилось. Потом согнул ноги: колени целы! Так откуда такая нечеловеческая, проникающая в каждую клеточку организма всеобъемлющая боль? Ведь, если это сон, то любая боль во сне должна остаться. Между тем наваждение мучило меня уже проснувшегося в течение нескольких долгих минут. Откуда это? Или с головой полный непорядок, то есть конкретно поехала крыша?

Но даже в таком состоянии я попытался понять, проанализировать сон. Вероятно, сказывалась человеческая интуиция, либо ум мой был какой-то аналитический, и включался в работу независимо от ситуации. Что же произошло? Обычный, посланный из Поднебесья сон? Но после обычного сна не бывает боли. Жуткой! Всеобъемлющей! Нечеловеческой! Ведь и лежал нормально – на спине, раскинувшись на всё спальное пространство тахты, так что отлежать никого и ничего не мог! А где Проповедник из сна? Вот ему только и не хватало объявиться здесь в натуральном физиологическом виде с заготовленными поучениями, увещеваниями, да ещё с чашкой утреннего кофе.

Интересно, а в древнем Израиле Екклесиасты пили кофе, или это у них тоже считалось страстью, искушением и соблазном? Что ни говори, а не сберегли они иудейское царство своими проповедями и предостережениями. Царство распалось. Может, именно поэтому понадобилось искать подкрепление в других временных поясах и странах?

Всё же отступающая по всему телу боль принесла небольшую, но всё-таки радость: ещё бы, жуткие муки и мучения просто приснились! Это хорошо, хотя бы потому, что не прихватил меня Проповедник с собой в inferнальное или потустороннее Зазеркалье! О, как мало человеку для счастья нужно! Только иметь возможность хоть ещё раз доставить кому-то обыкновенную человеческую радость, ведь такого ни в каком параллельном мире днём с огнём не сыщешь. Там совсем другая жизнь, какую у нас принято считать счастливой. А в сущности, везде хорошо, где нас нет. Зависть – самая подлая страсть человека – может запросто довести до представлений о райских кущах, где под каждым кустом можно найти горшочек с манной небесной или амброзией.

Человек постоянно мучает себя соображениями о смысле жизни и приходит к далеко не лестным мучительным выводам, мол, в этом мире человек обязан что-то отнять у слабого, установить власть нашпигованную выгодными для себя законами, а если понадобится, отнять жизнь у недовольных сочинённой властью. Причём, совершенно исключается из сознания, что человек для того и создан, чтобы научиться делиться радостью с ближними. Это всегда приводит к такой же ответной реакции, только увеличенной в десятки раз! Но отнимать что-то гораздо легче, чем делать подарки. Вот и отнимаем во все века друг у друга ту самую жизнь, которую даже создать не умеем.

Нет! Уже научились создавать клоны! Но ведь это очередное ухищрение дьявольского сознания, потому что клон – не создание другой жизни, а простое и не всегда хорошее копирование уже созданного. Недаром сказано в Писании, что дьявол – обезьяна Бога, то есть умеет только копировать не всегда хорошие, а проще сказать, отвратительные варианты уже созданного. Вот и человек обезьянничает по чьей зря. Но если скажешь ему про дьявольское увлечение – загрызёт ведь, на то он и человек!

Что же, вернёмся ко сну, который не мог присниться просто так. И вообще, просто так ничего, никогда не происходит. Давным-давно один из апостолов, кстати, единственный, умерший своей смертью на острове Патмос,⁷ говорил, что каждый должен сны проверять – от Бога ли они. С другой стороны Екклесиаст – Библейская личность, а в эту книгу абы кого не вписывали. И последующие за ним другие Екклесиасты, то есть Проповедники, были настоящими

⁷ Патмос (Пальмоза) – остров в Средиземном море. На нём жил и умер Иоанн Богослов.

историческими личностями. Мне, право слово, далеко до них, примерно, как до Луны ползком. Почему же первый Екклесиаст явился ко мне во сне?

Я включил радиоприёмник и подцепил с полки Библию. Точно. Во всей своей красе словотворчества передо мной был сам Qohelet,⁸ то есть Екклесиаст по древнегречески:

«Род приходит, и род уходит, а земля пребывает вовеки», или «время собирать и время разбрасывать камни, время обнимать и время уклоняться от объятий». Что можно возразить? Какие противоречия могут возникнуть против святых мыслей и надо ли? Вопрос в другом, если Проповедник пришёл ко мне, значит, что-то хотел сказать, а не просто предложить бессмертие. Почему именно мне? Очень просто: именно я на данный момент явился той мембраной, отвечающей звучанию его духовного инструмента. Конечно, на это способен любой и каждый, только вот не все и не всегда могут принять и понять взаимосвязь миров, времён и Божьих тварей. Принять, услышать и связать воедино, то есть сделать мост меж мирами в межвремье может далеко не каждый.

Если же Екклесиаст появился передо мной, значит, я не вызываю диссонанс его бессмертию и он никоим образом не вызовет дисгармонию моей души. Только как мне понять его? Может быть, я умею понимать и принимать зов времён от природы, но как мне самому понять, что я умею, а что нет? Сразу же пришёл на ум спасительный постулат, мол, согласись, а там увидишь что можешь, а не можешь – научат и покажут. Ага, мы это уже проходили: «не можешь – научим, не хочешь – заставим!».

Сразу оговорюсь, ещё Пушкин произнёс занимательную фразу: «...если можешь не писать – не пиши». Это выражение стало летучим, тем более, среди писателей и поэтов. И что самое интересное, многие считают себя завзятыми профессионалами в этой ипостаси, особенно в нашей стране. Некоторые не знают даже, что тот же Пушкин учился писательской науке, то есть версификации, не менее пятнадцати лет. Однако никогда не считал себя «пупом земли» и «кузнецом человеческих душ».

А наши, постапокалиптические советско-дермократические писарчуки в рамках соцреализма готовы навсегда стать кузнецами человеческих душ прошлого двадцатого, нынешнего двадцать первого века и насколько это возможно, заглянуть в будущее. Пусть писатель даже не шибко грамотен – это всё ништяк, читатель схавает. Но среди нашей братии иногда встречаются и готовые душу обнажить перед читателем. На эту тему у меня возникло мнение: если ты поделился пусть даже с одним человеком какой-то мыслью, и та пришлась ему по вкусу, значит, уже не зря жизнь прожил, потому что сумел дать человеку искорку радости и толчок для работы мысли.

Тогда спокойно можешь позволить Екклесиасту являться во всех виртуальных снах и уговаривать стать всенародным Проповедником. Может быть, и в этом имеется какой-то серьёзный смысл. Тем более, что даже мысли, высказанные вслух, являются программой, записанной где-то на исторических скрижалях. Все эти программы существуют. Даже по несколько на каждого человека, только какую из них принять во внимание и ответить на неё жизненным опытом – личное дело каждого. Давно известно, рождённый в этом мире сам выбирает свой путь и коль рожа крива – нечего на зеркало пенять.

Этими исследованиями не занимался никто, да и вряд ли такое возможно. Но что невозможно человеку – возможно женщине, ведь женщина, если она действительно женщина, всегда права, и только человеку свойственно ошибаться. Именно женщинами поддерживается на Ближнем Востоке очень любопытные фаллические мистерии, принёсшие с древних времён мегалитический мистицизм в человеческую жизнь.

А что? Давно ведь известно, что наша прапраматерь послушалась ангела-искусителя и дала своей не совсем лучшей половине откусать запретное яблоко. Но тут же встаёт вопрос: знал

⁸ qohelet (др. евр. Проповедник.), – Екклесиаст (др. гр.).

ли об этом Всевышний? Если не знал – так какой же он Всевышний, а ежели знал, так зачем же позволил человеку до греха опуститься? Ах, да! Человек сам обязан выбирать свой путь и потом отвечать за сделанное. Но, если каждый из нас – сын Божий, то не следует ли Отцу хоть иногда наставлять дитя на путь истинный? Ведь даже ангелы иногда ошибаются! За это Отец прогнал их из Эдема.

Но ангелы, демоны и люди всегда прекрасно знали, что человек должен сам выбирать свой путь. Это касается всех и каждого. Допустим, кому-нибудь нет дорожки божества, чем Золотой телец. Выбранному божеству молятся, поклоняются, приносят жертвы. Иной раз среди грешных людей бывает, что набедокуривший, но спохватившийся человек старается что-нибудь исправить, особенно когда Золотой Телец потребует душу за свои деньги, ах, не тут-то было. Что выбрал – то твоё – двум богам не молятся.

И ещё один пример: многие благотворительные организации в России и на Западе пытались оказать посильную насильственную помощь бомжам. Но всё без толку. Потому что каждый из Божеских созданий, пусть даже самая паршивая овца, выбирает свой путь и несёт Крест туда, куда глаза глядят. От таких мистических происшествий случаются казусы, принимающие иногда вид настоящих мистерий.

Вернёмся к одной из них, начавшейся со встречи на Кутузовском проспекте посреди смачных сумерек с Великим Проповедником. Я уже поделился с вами о сатанинской боли, догнавшей меня после пробуждения? Так вот, не успев порадоваться скорому выздоровлению, внимание моё привлек звук, доносящийся из кухни. До ушей моих дополз голос эфирного радио, включенного недавно, то есть диктора, который поздравлял радиослушателей...

Боже! Диктор поздравлял с Пасхой Христовой! Я тут же полез в календарь. Точно: в этом году Пасха должна состояться 1-го мая, то есть сегодня! Надо же, и Пасхальную ночь проспал, и сейчас, если бы не радио... Вот уж действительно: «Суета сует, – сказал Екклесиаст, – суета сует, – всё суета». И теперь уж точно не должно возникнуть никаких беспутных сомнений, – он явился недаром. Тем более на Пасху! Но ведь сегодня 1-е мая! Тоже не просто так, потому что Первомайская ночь давно уже носит звание Вальпургиевой. Вот это номер: пляска Виты на Лысой горе в Воскресенье Христово! Дьяволиада какая-то. И сон такой... не очень уж душевный... даже башка до сих пор всё ещё побаливает...

Потом, Воскресение Христово, появившееся неизвестно откуда... хотя, известно откуда, но я первый раз в жизни начисто забыл о Пасхе! Вот уж точно умственное расстройство крайней степени. Забота земного рогатого куратора вовремя подложить свинью! Что делать, работа у проклятых аггелов такая.

Я снова влез в справочник Символов. Оказывается, Пасху всегда вычисляли по Лунному календарю и совпадение с Вальпургиевой ночью, когда ведьмы и демоны собираются на шабашку, бывает только раз в шестьдесят лет, то есть, любой человек может похвастаться тем, что один раз в жизни ему пришлось присутствовать в демонических присутственных местах, когда черти радостно плясали в честь Воскресения Христа! Надо будет утром заглянуть в храм на литургию – хоть немного очистить душу от накопившейся грязи. Какой же из меня Екклесиаст в неотмытом виде?

Ладно, будущее покажет, кто есть кто. Всё же в эту круговерть я угодил неспроста, надо подготовиться. Но к чему?! Многодумно размышляя над догнавшими меня событиями, я снова влез в Библию. Влез наугад. Собственно, получилось совсем неплохо, потому как перед моим туманным после виртуального сна взором возникла заветная клинопись. Ну, не совсем, конечно, клинопись, но золотыми буквами на любой скрижали такое выбить не мешало бы:

«Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово перед Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги, ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познаётся при множестве слов».

Зачем в очередной раз удивляться? Я, вероятно, очень скоро разучусь это делать совсем, ведь я – писатель. Вообще-то, если я разучусь удивляться, писательский зуд сразу меня оставит, а мне этого ой как не хочется. Конечно, эту «наугадную», то есть выдуманную мной фразу Проповедника можно при желании пристегнуть к любому и каждому из человек, только это хоть что-нибудь изменит? Вряд ли. Кусочек Истины всё же догнал меня, как ни старался я удрать из приснившегося мне потустороннего Зазеркалья. Бегаю, значит, немножечко похуже. А, может, и Кадиллак не даром потруился? Живописный хруст проломленного черепа и сломанных ног ниже колен до сих пор звучит в ушах. Вероятно, этого сна мне не удастся забыть никогда.

Со снами, в общем-то, понятно, с Екклесиастом тоже – он, скорее всего, ещё не раз и не два будет доставать меня в подлунном. У каждого Проповедника в отличие от обыкновенного человека есть своя какая-то истина, свой критерий. Но я-то Екклесиасту зачем? Этот вопрос не оставлял меня и свербил в сознании будто деревенский сверчок за печкой.

Если бы я раньше участвовал, скажем, в каких-нибудь мистериях или был бы одним из посвящённых мастодонтов, то есть масонов, тогда понятно, мол, человек жаждет власти, желает безоговорочно подчинить себе всех ближних, дальних и так далее. Как же после этого не научить его проповедничеству? Ведь любая власть, любые законы изобретены далеко не Богом и даже не Проповедниками, а их прилежными усидчивыми учениками. Возможно, что Екклесиаст просто хотел поделиться со мной известностью или же научить, как добиваться этого в подлунном. Но зачем мне известность? Я просто умею делиться догоняющими меня мыслями с теми, кому это близко, кто это понимает, вот и всё. Никогда не стоит человеку навязывать свои беспочвенные идеи или соображения, какими бы они тебе ни казались гениальными.

Как знать, пойму ли я Истину Екклесиаста? Сумею ли донести куда надо? А куда надо?! В нашем государстве давно уже существует общенародное правило: сообщить что надо, куда надо, а кто надо разберётся в чём не надо, то есть наоборот. Тьфу, чёрт, совсем запутался в языке своём и ругаюсь не ко времени.

Глава 2

Всё! Проехали! Ни к чему на пустые соображения время тратить! Это пошло, бессмысленно и глупо. Просто, раз на дворе Пасха, не мешало бы в православный храм сходить. Праздник всё-таки. А от моего дома недалеко на Арбате Иерусалимское подворье – как раз кстати.

Я всегда был лёгок на подъём и тут же отправился через Дорогомиловский пешеходный мост в сторону Плющихи, а там и до храма рукой подать. Пешком тоже иногда недурно пройти, особенно на Пасху. Народ этому празднику искренне радуется, потому что праздник действительно настоящий, радостный, чистый, солнечный. Даже всяким там рогатым и нечистым выпало сегодня порадоваться Воскресению Христову! Пасха всё-таки – не вальпургиева свистопляска, которая радует только искателей допинга или адреналина. Люди на улицах города действительно выглядели радостными, с весёлыми улыбками на лицах, а насильно радоваться никого не заставишь.

По Арбату чудные лица,
зачастую забыв побриться,
выползают повеселиться
или просто срубить монету.
Нету здесь ни князей, ни нищих,
только каждый чего-то ищет
и оборвышей бродят тыщи —
все художники и поэты...

Кучка зевак на Старом Арбате благоговейно внимала самостийным арбатским поэтам, перемежающим чтение стихов подгитарными песнями и даже беззлобными анекдотами. Вероятно, что б не так тоскливо было слушать витиеватые поэтические изыски арбатских гениев. А когда один из этих забавников начал обходить собравшихся с шапкой, дабы изъять какую ни есть дань, толпа заметно убавилась. Но всё же в шапку сыпались железные и бумажные жизненно необходимые дензнаки, а, значит, кому-то нравились такие самостийные чтения. На Руси всегда уважали и привечали скоморохов. Что ж такого, ежели русские традиции возвращаются на круги своя? На то мы и русичи – бесшабашная весёлая, но в то же время мудрая скоморошья душа.

Собственно, каждый зарабатывает, как может «в наше трудное время американских кризисных ситуаций».

Потасканный штамп я употребил специально, потому что не бывает трудных времён и неразрешимых задач, если люди не создают их сами себе. Вот и эти уличные артисты, чем они плохи, ведь многие останавливаются, слушают, подхохотывают? Значит, народу нравится.

Достаточно вспомнить хотя бы Эдит Пиаф, ставшую ныне французским знаменем женщины. Или нашего Высоцкого, которому отгрохали сейчас кучу памятников. А они ему нужны? Владимир Семёнович пел когда-то, мол, не поставят мне памятник в сквере, где-нибудь у Покровских ворот... Именно там коммунистические дермократы и воздвигли ему памятник. Но уже мёртвому. При жизни даже ни одной книжки издать не могли: не положено, дескать, потому что не покладено. Интересно, кто и в какой гроб пытался «положить» стихи великого русского поэта?

А Эдит Пиаф нужна любовь нынешних французов? Она, насколько помнится, чуть не с голоду подыхала, рассталась с мужем и получила признание, но... после похорон. Тот же Высоцкий, предвидя такой летальный исход, спел как-то: «Не скажу о живых, а покойников

мы бережём». Что же нам всем, ещё живым, ждать какого-то отзыва или же отзвука? Не лучше ли собирать пока только то, чем ближний может поделиться от чистого сердца?

Я стоял посреди прочих всенародных гуляк и отсутствующим взглядом следил за сборщиком народной благодарности, пробирающимся по заплёванным арбатским именным – бездарный римейк голливудской звёздной аллеи – булыжникам. Вот уж чего у Рассеюшки не отнять, так это «обезьянничанья» лишнего. А как же! – в Американском Голливуде аллея звёзд! А почему у нас нет? И никто не задумывался, что пусть лучше одни только америкосы спокойно топчут имена своих звёзд грязными башмаками. К чему русским слизывать нелестные манеры и бить себя пяткой в грудь? Хотя наши «звезданутые», то есть, кто купил булыжное место для размещения себя-любимого, не заслуживают большего, как попать изношенным башмаком его булыжное имя.

Когда сборщик податей оказался рядом, я всё ещё не мог решить для себя: стоит ли положить в шапку денежку? Дело было не в деньгах, а в принципе заработка таким способом. А с другой стороны – почему бы и нет? Ведь любой писатель или поэт, печатая свои опусы, обнажается перед толпой, продаёт не только тело, но кое-что и посущественнее. Почему?

– А помочь собрату по перу вовсе не возбраняется, – вдруг прозвучал над ухом насмешливый голос.

Я лениво покосился и встретился с ухмыляющимися глазами человека, одетого в полукафтан из красной парчи со стоячим высоким воротом, подпоясанный широким зелёным кушаком с кистями. На голове незнакомца красовалась под стать кафтану соболя «боярка». А худощавое гладко выбритое лицо сочеталась с кафтаном примерно как корова с кавалерийским седлом.

В таких праздничных, расшитых золотом полукафтаных ходили сотники стрельцов при Иване Васильевиче. Этот тоже под стрельца-дворянина нарядился? На Пасху? Впрочем, кого только на Арбате не увидишь. Вон, недалеко за этим полукафтанником ещё один ряженный в камзоле с золотыми галунами, а рядом – в меховой кацавейке, какие носили средневековые гранды испанские – третий. У последнего на ногах шёлковые леггинсы и шикарные, мягкой кожи, мокасины с загнутыми кверху носами и пряжками, усыпанными самоцветами. Можно сказать, придворные какого-нибудь Генриха или Людовика. Во всяком случае, таких артистов только здесь можно увидеть, но далеко не всегда.

В пору удивиться хотя бы, но ведь это же Арбат! А, значит, разряженный полукафтанник той же команды, что и выступающие, и камзольный господин, и средневековый гранд – это, на худой конец, какие-нибудь коллеги по выбиванию финансовой дисциплины из празднующегося люда.

Будто в подтверждение догадки мужик вытащил из-за спины деревянный размалёванный лоток на широком кожаном ремне через плечо. Книжки в нём тесно стояли вперемешку с эстампами, картинками, деревянными ложками и свистульками, берестяными коробочками, желудёвыми монистами, серебряными гривнами.

– Масыга обезетельник тебе офенится.⁹

Я постарался не удивиться этой древнерусской «феньке», бровью не повёл, но любопытно стало, тем более после вещего сна. Да и сон ли то был? Ведь от боли, преследовавшей меня после сна, чуть прямо на возлюбленной тахте не преставился. На всякий случай я взял с лотка несколько лубочных картинок, принялся рассматривать, соображая при этом, нужно ли мне такое знакомство? Ведь ничего с человеком просто так не случается. Пока рассматривал, подошли ещё несколько человек.

– Ой, прелесть какая! – пискнула девушка.

– Сколько стоит? – её друг, видимо, решил потряхнуть мошной на радость подружке.

⁹ Торговец безделушками тебе шлёт поклон (феня).

– Стоит – не воет. По вычуру юсов, – опять забалагурил странный книгоноша.

Потом повернулся спиной к парочке и, наступая на меня как «Титаник» на айсберг, заговорил уже более современным языком.

– Купи, господин хороший, свиристельку-самосвисточку, аль гусельки самогудные. Всё польза душе ищущей, отрада сердцу беспокойному. Ни в каком храме такого товара не отыщешь. А хошь, мил-человек, книжицу редкую из стран заморских да сочинителей тутошних? Почти книгоношу-офенюшку, купи хоть поэмку за денежку. Пушкиным писанную, да не читанную, глаголом не глаголемую. А вот роман Сухова-Кобылинский. Опять же нигде, окромя меня, не купишь, сгоревший потому как.

– Сгоревший? – меня аж передёрнуло, будто предлагали купить свеженькой, только что заготовленной и аккуратно порубленной мертвечатинки.

– А то как же! – подхватил офеня. – Кто сказал, что рукописи не горят? Горят, ещё как! Горят, синим пламенем, дымным дыменем, что и вокруг не видать, а видать – не угадать. Любит ваш брат огоньком-то побаловаться.

– Какой брат? – я подозрительно глянул на книгоношу.

– Не тот брат, что свят, а тот, что у Царских Врат по тебе рыдат.

Ну, дела! Сухово-Кобылин тоже писатель, только позапрошлоговековой. Кажется, в конце серебряного девятнадцатого века угодил в тюрьму и ещё при жизни приговорён к четырём годам тюрьмы за мошенничество, связанное с алмазным, за который Сухово-Кобылин сумел получить безвозвратный кредит. Но в тюрьме решил пером побаловаться или занимался писательством, чтобы даром время не терять. Долго ли, коротко ли, только написал Сухово-Кобылин дюжий роман, которому друзья нового писателя, ознакомившись с написанным, прочили гораздо большую популярность, чем «Войне и миру» Толстого. Дело вовсе не в количестве исписанных страниц, а в литературном качестве текста.

Оказывается, человеку в одиночке, то есть в одиночестве, открылось будущее, и описал он все российские приключения семейки Ульяновых-Бланков, или Ульянкину семейку будто ходил по пятам да записывал. Но когда из тюрьмы выпустили, он тут же в храм отправился на исповедь. А после оттащил готовую уже рукопись не в издательство, а прямо в камин, огню на пропитание. Не знаю, Гоголь ли ему примером послужил, а, может, ещё кто из серебряноговековых писарчуков, только этот роман смог бы избавить Россию от будущего и самоистребления, от поклонения живому inferнальному идолу и от светлого пути к ...изму, отнявшего у России тысячи, даже миллионы светлых умов и стабильное равновесие в мире жидо-масонского финансового бесправия.

Вот на что писатель способен в этом мире. Недаром новое социалистическое правительство постаралось живенько приструнить русских ещё не успевших уехать писарчуков и разрешать любое творчество только на основе соцреализма.

Один же из прежде живущих, тоже небезызвестный, трудился на литературном поприще в начале девятнадцатого – Александр Пушкин, слышали? Так этого писарчука в России вообще поначалу не признавали за умеющего владеть стилем. Не говоря уже о мастерстве. Тогда в модных поэтах числился любимый ученик Державина господин Кукольник, а Пушкин... Пушкин так себе, числился в непризнанных гениях или бумагомарателях, то есть записанцах.

Мистика? Ещё какая. Шутка ли, Пушкин вздумал замахнуться на русский язык! А первый его роман, выпущенный в содружестве с Боратынским, не подвергся уничтожению в туалетах только потому, что бумага такая очень дорога была в то время. Кто знает, восхищался бы кто-нибудь писателем сейчас, если б не начальник Собственной Канцелярии Его Величества Александр Христофорович Бенкендорф, который приказным порядком опубликовал поэта.

Вот тогда-то к Пушкину пришла слава и всеобщее признание. Любой творческий человек без аудитории и зрителя – просто позёр, то есть пустое место. Пушкин же получил признание и наконец-то смог официально жениться. А свадебный подарок – вон этот арбатский домик –

живёхонёк. Но куда ни кинь, а от того, что тебе предназначено, спрятаться вряд ли удастся. Весь вопрос: что ты выберешь... выберешь сам... Недаром во все века поговаривали о свободе воли. Вот и выбирай, свободный гражданин.

То же Пушкин, пропадая без денег, продал «Конька-горбунка» господину Ершову, работавшему у него в то время секретарём. Неправда? А что же тогда господин Ершов ничегошеньки больше не написал за последующие сорок лет жизни и литературной славы? Причём, после сорока лет, когда преставился, рылись у него наследники в архиве, рылись и, вероятно, до сих пор роются, только найти никаких гениальных опусов им не суждено. Может быть, Ершов зарыл свои гениальные произведения в неизведанный тайник, как Иван Грозный библиотеку, и оставил завещание – откопать тот клад через тысячу лет?!

Ну, с Ершовым всё ясно. А вот как отнестись к Мишелю Нострадамусу? Судьба этого послесмертного народного любимца в действительности мистическая и удивительная. Дорого бы я дал, чтобы порыться хотя бы в архивах или узнать настоящую историю его мистического дара Предсказателя, то есть с удовольствием познакомился бы с криптографической историей французского Екклесиаста. История жизни Нострадамуса довольно запутанная и в ней прослеживается довольно много мистических таинств, познать которые суждено не каждому.

Я люблю размышлять на ходу, не обошёлся без этого и на сей раз, гуляя пешеходным Арбатом. Но человек предполагает, а Бог располагает. Именно это и приключилось, потому что сзади раздался низкий, я бы сказал, не совсем обычный голос:

– Интересуетесь судьбой Нострадамуса?

Обернувшись, я увидел мехового средневекового гранда, недавно пасущегося рядом с офеней и догнавшего меня невесть по каким причинам.

– А что, вы можете поделиться знаниями о Мишеле Нострадамусе? – ответил я вопросом на вопрос. – И откуда вам стало известно, что история жизни этого человека меня действительно интересует?

– Видите ли, судьба его интересует не только вас, но многих любопытствующих. Недаром книга предсказаний, написанная им, переиздается уже четыреста лет. Согласитесь, это всё-таки стаж даже среди Проповедников.

– Как сказать, – возразил я. – Книга самого первого Екклесиаста издаётся уже более двух тысяч лет. Правда, в братской могиле с остальными Проповедниками, но всё же.

– В братской могиле? – честные удивлённые глаза собеседника заставили меня на миг улыбнуться.

– Простите, я по собственному словоблудию называю так любой литературный сборник, пусть даже самый знаменитый. А «Книга Екклесиаста» – это одна из составных частей Библии.

– Ах, вы об этом, – в свою очередь улыбнулся мой собеседник. – Екклесиаст никогда не преследовался, и за ним не охотилась инквизиция, хотя многие пытаются приписать Проповеднику особые чувства мышления и связи с потусторонним миром.

– Понятно. А за Нострадамусом, значит, охотились как за врагом Франции? Не знаете почему? – решил поинтересоваться я.

– Знаю, – утвердительно кивнул гранд. – По нашему грешному миру бродило в Средних веках очень много страшных болезней, от которых ни избавить, ни избавиться самому было невозможно.

– А Нострадамусу, бесстрашному астрологу и бакалавру медицины, удалось всё в лучшем виде? – съехидничал я. – И даже без заступничества самого Папы Римского перед Богом?

– Не совсем так, но удалось, вследствие чего Мишелю Нострадамусу было выдано право стать почётным гражданином Провансаля и жителем города Салон, где и вышла впервые его книга.

Уличный артист протянул мне толстый и внушительный фолиант в кожаном переплёте. Но я не решился сразу взять такую редкостную штуку. Да и подарок ли это?

– Это подарок, – подтвердил он. – Вам будет интересно, если ознакомитесь с тем, что приходит совершенно неожиданно, иногда, даже в совсем пустую голову. Собственно, этого ли вам не знать?

– Такое чувство мне известно, – подтвердил я. – Только неизвестно, к чему обязывает ваш небезынтересный и дорогой подарок? За что? Или вы всем арбатским прохожим раздаливаете по раритетному томику?

– Нет, не всем, – усмехнулся испанский гранд. – Но вы интересуетесь многими вещами, уже искали вход в Шамбалу, скоро ещё совершите с десяток поездок по историческим местам России. Просто вам пригодится то, что здесь написано. Возможно, даже получите помощь в поисках. Во всяком случае, такое знание не помешает. И ещё, вспомните Заповедь Божью, что никогда нельзя отказываться от неожиданных подачек, свалившихся ниоткуда. Сами знаете, что такие подарки просто так не приходят. Откажетесь – второго раза не будет, уж поверьте мне на слово.

Я, признаться, удивился немного, как совершенно постороннему человеку стало известно, где мне пришлось когда-то побывать и, главное, где ещё придётся? Я совсем было уже собрался огоршить его ещё рядом ненужных вопросов, но он вовремя и молча ретировался, не кивнув даже на прощание, насильно всучив мне диковинный фолиант.

– Очень надо! – фыркнул я, но не бросать же книгу. Тем более, что такими подарками действительно не бросаются.

Возле театра Вахтангова всё так же кучковался народ, откуда раздавался смех и подгитарная развлекуха, но мне это было уже не интересно. Тем более рукам напоминал о себе чувственным весом, свалившийся на меня подарок. Согласитесь, не каждый день на тебя обрушиваются такие удивительные подачки. То есть подарки. Ну, вы поняли.

Пока я брёл по пасхальному Арбату, разбрызгивая свои колючие мысли, храм Иерусалимского подворья неожиданно оказался совсем рядом. Вот и славно. Зайду, помолюсь, уже должна быть утренняя Пасхальная литургия. А там... Что будет «там», я не мог предположить, да и не хотел. Ведь жизнь превращается в бессмыслицу, коли будешь знать, что тебя ожидает. Но сразу за порогом храма меня ждало разочарование.

Народ, как обычно, толпился по приделам, на амвоне пред Царскими вратами диакон усердно бубнил ектенью, а посреди храма стоял открытый гроб с возлежащим в нём покойником. И это на утреннюю литургию в Пасхальный день! Вообще-то я слышал, что преставившиеся в такой день были счастливы и в этом мире, и в будущем, но мне-то что до этого? Пришёл, блин, на Пасху в храм, а там совсем другие молебны! Надо было в свою старообрядческую церковь пойти. По крайней мере, старообрядцы не позволяют себе превращать обитель Бога в вертеп для разбойников, то есть покойников. Ну, вы поняли.

На аналое пред Царскими вратами лежал праздничный крест Воскресения Господня. Я решил, как положено, подойти, поклониться и отправляться по своим делам. Ан, не тут-то было. Отвесив поклон Кресту, я развернулся к выходу, бросил мимолётный взгляд на покойничка, и... и чуть не упал. В прямом смысле этого слова.

В гробу лежал я сам!

Вы не поверите, но это так. Я застыл, как вкопанный.

Несколько минут подряд рассматривал себя, покойничка. Надо же, пришёл на собственные похороны! Ведь не может же быть такого! Никогда! Если только тот, в гробу, не мой потенциальный двойник. Я ещё раз посмотрел на него. Нет, двойником он быть не мог просто потому, что у меня есть некоторые физиологические черты, не способные отпечататься даже на клонированном трупe. А тут православная церковь! Какой клон? Какой двойник? Хотя от новообрядцев чего только наша страна не натерпелась с тех времён, как патриарх Никон устроил в семнадцатом веке кровавую религиозную бойню русского народа. Но сейчас не семнадцатый век и в гробу не мог оказаться я ни под каким соусом!

Нет, явно с головой что-то не то. Ноги тоже грозились отказать в передвижении по зримому миру. Я кое-как доковылял до лавочки для немощных, стоящей неподалеку, плюхнулся на неё, положил рядом полученный в подарок фолиант и прислонился спиной к храмовой стене. Затылком я чувствовал явный холод камня, а вот глаза...

Там где только что был великолепный церковный иконостас, передо мной возникла какая-то стена. Правда, с рисунками, очень похожими на церковную роспись. Но мне было не до них хотя бы потому, что не может физическое пространство так неожиданно изменяться! Так быть не может, потому что не может быть? А почему не может?

Меж тем, перед моими выпученными от страха и удивления глазами проносились какие-то обрывки то ли прошлого, то ли будущего, словно кадры в немом кино. Причём, я чувствовал, что происходит нечто необычное, значит соображение пока не потеряно. Что же дальше?

Дальше я оказался в каком-то круглом помещении, в центре которого стоял каменный, вероятно мраморный, треугольный пьедестал, который окружали четыре колонны, подпирающие свод. Но, судя по обстановке храма, в котором я только что сидел возле стены на скамеечке, вместо Царских врат здесь были красные двери, вероятно густо вымазанные аппетитной киноварью или жертвенной кровью, как водится. От дверей даже донёсся тяжёлый солёный запах крови, или мне это только показалось? Значит, восток здесь воспринимается в красном цвете, как утренняя заря? Это предположение немного почеловечнее, чем кровавые хичкоки, но красная дверь не исчезла. Я покосился налево.

С северной стороны в круглой огромной зале красовались чёрные ворота или двустворчатые двери, будто старающиеся отобразить пещерную темноту. Куда уж там Малевичу со своим квадратом! Несмотря на то, что восточные врата покрашены красной праздничной краской, а северные вымазаны в траурную пещерную сажу, от них веяло большей уверенностью и спокойствием. Как будто двери, хранящие за собой какие-то другие миры, могли передать энергию, скрывающуюся в задверном проёме.

А почему бы и нет? Ведь на том же севере находилась заветная Гиперборея или Арктида, откуда появились переселенцы, разъехавшиеся по всему миру. Кстати, архипелаг Гипербореи впоследствии затонул по неизвестным причинам и получил новое название Атлантиды. Выходит, там родина всего живого, так почему же в родительском доме, то есть, на уцелевших ещё островах Франца Иосифа, Новой Земли и Гренландии не найти спасительной положительной энергии? Очень даже реально.

С южной стороны круглую залу со сводчатым потолком венчали лёгкие белые двери, очень похожие на ажурные резные створки каких-нибудь дамских альковов. Причём, двери были не только белые, а ослепительно белые, будто снежное высокогорье ворвалось сюда вместе с горным контрастом, смотреть больно. Краски такой в природе не бывает. А выглядели южные врата совсем как дуэльная перчатка, брошенная дубовым гиперборейским вратам, вымазанным поганым чёрным цветом. Только от белых кисейно-кружевных створок несло жутким холодом и пронзительным запахом миндаля с примесью резеды, как от настоящего цианистого калия.

Но, как светлый этот мир имеет четыре стороны света, так и здесь, в мировом кругу, было четыре двери. То есть, общую картину дополняли западные двери голубого цвета. Правда эта голубизна постоянно варьировала меж мрачно-бирюзовым штормом в каком-нибудь неизвестном океане и яркими невинными глазками грудного младенца. Удивительная часто меняющаяся окраска западных дверей не просто поражала воображение и будила любопытство, а привлекала и манила, словно обложка запрещённой книги, которую обязательно надо было прочитать! Если бы человеку, находящемуся меж дверей был предоставлен выбор, в какие ворота войти, то он обязательно должен был выбрать именно голубые ворота из-за игры красок, обещающей познакомить с ещё большими чудесами.

Здесь я тоже сидел на скамье, протянувшейся вдоль всей круглой залы, разрываемой только в дверных проёмах. Но за дверями пока неизвестно что, а вот треугольный мраморный монолит в центре помещения очень напоминал алтарь-жертвенник ламаистских монастырей. Неужели меня затащили какие-то силы в другое время, в другое место и в другой мир для того, чтобы просто принести в жертву? Нет, всё-таки здесь что-то не так.

Зал, в котором я оказался, вовсе не был похож на церковь, где лежало моё тело. При этой мысли колючие мурашки шустро принялись за свою работу вдоль позвоночника.

Та церковь, куда я сегодня пришёл, была всё-таки православной! Православной? Неужели в христианском храме может случиться на праздничную Пасху: вместо Литургии совершается какое-то отпевание?! Если это даже я в будущем, то очень не хотел бы такой смерти. Разлука с живым гораздо хуже, чем разлука с умершим, но одно не извиняет другое и не позволяет отменять праздник Бога на земле.

Уходящий из этого мира получает радость за то, что он успел здесь натворить. И забирают его потому, что какой-то энергией он уже накормил свою душу по уши, значит, пришло время учиться другому, делать что-то другое. А остающиеся здесь проливают потоки слёз о себе-любимых, здесь брошенных и несчастных. В любом случае: ни к чему устраивать праздничные, или же печально-рыдательные похороны, нарушая тем самым нечто большее.

Но с другой стороны, почему бы и нет? Ведь кто может указать Богу, каким устраивать праздник? Это же Его – Божий праздник! Хотя Он принёс Себя в жертву за всё человечество, но праздник, в человеческом понимании, остаётся всегда личным и неделимым.

И всё же, что я делал в гробу? Недаром же сказано: что невозможно человеку, возможно Богу. Такая штука может быть всего лишь Божественной шуткой. Вот только для чего? И для чего этот зал или вспомогательный придел, куда меня перетаскили без всякого согласия, будто действительно загремевшего в Зазеркалье на тот свет? А, может быть, этот круглый зал с четырьмя выходами играет роль какого-нибудь католического чистилища? Но как же это совместить с православным храмом? Или все эти видения – продолжение ночного кошмара?

Подсознание автоматически старалось понять назначение невиданного раньше помещения. А, может, здесь, где оказалась моя душа, такой же храм, разве что немного позаковыристее, недаром на стенах среди иероглифов прилепились несколько чадающих факелов. Да ещё на самом видном месте красовался текст, написанный явно не иероглифами. Язык этот я просто не знал, но всё же попытался прочесть.

Написано было латинским шрифтом с явными признаками французского.

Вероятно, сложивший эти вирши стихоплёт проходил русскую школу стихосложения у Державина. Недаром долгое время, даже иногда по сей день вершители, то есть составители виршей, углубляются в такой деспотический материализм или метафизический реализм, что за одно прочтение написанного на стене или на заборе читателю памятник ставить надобно. В общем-то, этим страдали, страдают, и будут страдать все известные и не очень писарчуки, так что ничего удивительного в настенном тексте не наблюдалось. Вот только перевести не мешало бы. На русский сермяжный.

Curieux scrutateur de la nature entiere,
J'ai connu du grand tout le principe et la fin.
J'ai vu l'or en puissance au fond de sa miniere,
J'ai saisi sa matiere et surpris son levain.

J'expliquai par quel art lames aux flancs d'une mere,
Fait sa maison, lemporte, et comment un pepin
Mis contre un grain de ble, sous l'hamide poussiere,
L'an plante et l'autre cep, sont le hain et le vin.

Rien n'était, Dieu voulut, rien devint quelque chose,
J'en doutais, je cherchai sur quoi l'univers pose,
Rien gardait l'équilibre et servait de soutien.

Enfin, avec le poids de l'éloge et du blâme,
Je pesai l'éternel, il appela mon âme,
Je mourus, j'adorai, je ne savais plus rien.¹⁰

Как ни странно, только чтиво всё-таки получилось. Стало ясно – это французский с каким-то литературно-местечковым акцентом. Может, вирши писались в древние времена, тогда всё становилось яснее ясного. Но прочитать навскидку одно, а перевести – совсем иное. Сам стихотворный текст окружали изображения каких-то валькирий. Может быть, это иконные фрески здешних демонических дам? Мало ли, кому в этом храме поклоняются – валькириям, упырям или...? Красавицы, ничего не скажешь, но под звон бокалов с вином они умудрялись на фресках тут же попить ногами то ли поклонников, то ли просто мужчин, то ли влюблённых сатиров.

Вероятно, об этом написано в тексте. Я попытался прочесть ещё раз.

Конечно, получилось хуже некуда, поэтому от нечего делать, можно поглазеть по сторонам и уделить внимание другим предметам, которых в этой довольно вместительной комнате было не густо в сравнении с тем миром, откуда мне пришлось пожаловать в запредельное мегалитическое пространство.

В этом мире всё так, как должно, и в то же время совсем по-другому. Даже мыслится как-то по иному, не как обычно в нашем бытовом мире. Может, мне просто казалось что-то необычным, потому что всё здесь было незнакомое, невиданное и непознанное.

Я оказался с южной стороны треугольного каменного алтаря и не без любопытства оглядел стены. Ничего, заслуживающего особого внимания, кроме фресок и поэтического текста в обозримом пространстве не оказалось. Долго ли отираться здесь, мне тоже пока не сообщали. Но, если я оказался в каком-то замкнутом пространстве, занесённый сюда чудным пасхальным ветром, значит, со мной обязательно кто-нибудь будет разговаривать. Вот тогда-то и можно будет узнать – зачем? почему? и нельзя ли назад?

Вдруг чёрные северные двери неожиданно открылись, и в помещение стремительно вошёл человек в элегантном камзоле белого атласа, с золотой жилетной цепью. По сути, если господин разоделся под средневекового гранда, то на голову должен нацепить парик с буклями. Вместо этого тонко очерченное надменное лицо обрамляли искусно завитые чёрные волосы. На ногах сапог не было, но красовались элегантные туфли с огромными пряжками, усыпанными сверкающими камнями, значит, не солдафон, потому что ни одному солдату, пусть даже франту, не удавалось обзавестись такими бриллиантовыми безделушками. К тому же, почти на всех пальцах рук вошедшего господина были нанизаны перстни, которые не позволительны даже у войсковых старейшин. Судя по богатой элегантной одежде и украшениям, вошедший относился к знатному роду, хотя для него это само собой подразумевалось. Размашистым шагом он подошёл к алтарю, остановился возле, но с другой стороны. Скорее всего, этот красавец был из какого-то векового романа, где временные барьеры иногда просто бессильны.

Постой, постой, где-то я его уже видел. Конечно же! Совсем недавно на Арбате, то есть виртуальное продолжение встречи с офеней и иже с ним. Интуитивно почувствовав очеред-

¹⁰ st. germain, «La Tress Sainte Trinosophie». Единственная копия уничтоженного оригинала рукописи Сен-Жермена. Хранится в архиве Центральной Библиотеки Труд в Париже.

ное внимание к своей незабываемой персоне, мужчина устало улыбнулся, отвесил ритуальный поклон и произнёс скорее буднично и протокольно, чем приветливо:

– Я рад, что вы оказались у меня в гостях и готовы к посвящению, какого удостоивается не каждый архон.¹¹ Таких, как мы, очень мало, и необходимо не допускать деградации Проповедников.

– Вероятно, я тоже должен быть рад этой встрече, – парировал я. – Но хотелось бы знать о каком посвящении идёт речь? Или это продолжение сегодняшнего уличного выступления возле театра Вахтангова? Где же ваш великорусский стрелец-книгоноша со своим меховым спутником из Испании?

– Как? Вас не поставили в известность? – удивлённо поднял брови камзольный господин. – Ничего не сообщили ни о мистерии посвящения, ни о предварительной встрече со мной и вы сырой, стоите сиротливо здесь, словно украденная у какого-то проходимца душа? О, боги...

В круглую залу мгновенно откуда-то сверху проникла тишина, нависшая отточенным топором палача над мраморной треугольной столешницей жертвенного алтаря.

– А вот за «проходимца» ты ответишь, – хотел было ляпнуть я, развернув пальцы вее-ром, но почему-то не сделал этого. Камзольный господин уронил голову на грудь и некоторое время стоял так, то ли осмысляя происходящее, то ли ища выход из создавшейся ситуации. Я с любопытством разглядывал его во все глаза и не мог понять: что же произошло?

Мужчина поднял голову, бросил на меня короткий взгляд затуманившихся глаз, но не сказал пока ни слова. Тем не менее, он, казалось, не потерял интереса к новому посетителю, невесть как и невесть почему попавшему в его владения. Мне вообще-то казалось, что не мог он меня не запомнить после недавней встречи на Арбате с его русским коллегой офеней. Собственно, почему не мог? Ведь я же не пуп земли, а простой прохожий. Простой? Но ведь ко мне приходил уже один из них! Правда, во сне... только все они из одной потусторонней зазеркальной компании. Это уж точно!

– Каждый человек мечтает стать совершенным при жизни, – начал незнакомец, словно когда-то уже беседовал со мной на предлагаемую тему, – обязательно при жизни, или хотя бы, так и быть, после, но никакое совершенство не даруется Богом. Это не подарок Всевышнего. Настоящее истинное совершенство всегда необходимо достигать, даже постигать при помощи духовного и физического тела. Люди становятся мудрыми только в процессе жизни, в процессе постижения Божественных истин, которые необходимо хранить для себя, никому не разглашая, не приглашая отобедать у кого-нибудь из знакомых подаренной истиной из потустороннего зазеркалья. Согласны ли вы сейчас, скажем, на подвиг? На глубокое постижение Божественных тайн?

– Не знаю, возможно, это ошибка, – попытался уклониться я. – Потому что в гости ни к вам, ни к кому-либо ещё мне сейчас не хочется. Но если я оказался здесь, мне что-то просто предписано судьбой. Только, судя по вашим речам, с моей стороны обязательно должен быть какой-то подвиг для постижения великих тайн? Кстати, Бог раздаёт таланты без рекомендаций, без требования, взамен на талант, подвига. И если дано мне понять Истину, то почему бы и нет?

Ответ явно удовлетворил inferнального красавца. Он согласно кивнул и широким жестом указал на иероглифы, разбросанные по стенам вперемежку с церковной росписью.

– Вы уже обратили внимание на тексты?

– Да, – кивнул я. – Вместе с фресками они очень смахивают на тропарь сатанинского храма, как и вы на настоятеля этого хама с дьявольскими соблазнами. Но иероглифы совсем мне не известны. А вот этот текст... тоже не известен. Мне кажется, писано по-французски.

¹¹ Архон (др. греч.) – правитель

Вы не могли бы перевести? Право слово, мне действительно любопытно было бы с этим познакомиться.

Мужчина улыбнулся, снова взмахнул рукой, и по стене послушно пробежала огненная волна, стирая написанное. Сразу на том же месте возник текст более читабельный, хоть и не очень понятный.

Я тот, кто беспристрастным взором проник в Природы естество,
Исследовал её строения бесконечность.
Я видел силу золота в глубинах рудников,
Постиг его материю и сущность.

И я открыл, как таинством душа свой строит дом
В утробе материнской и, возродясь, несёт его в себе,
Как семя виноградное в земле с зерном тягается пшеничным
И оба прорастают, умирая и воскресая в хлебе и вине.

Из Ничего, по Божьему желанью, возникло Нечто —
Я сомневался, знать хотел, искал истоки бытия,
Гармонию, что держит равновесье мира,

И, наконец, в благословеньях и мольбах,
Прозрел я Вечность, что к душе моей воззвала.
Я умер. Я воскрес. Я больше ничего не знаю.¹²

— Здорово, — согласился я. — Только любую мудрость понимать надо. По поводу этого текста можно написать тысячи толковательных книг, тем более критических, а что толку? Важно понять ключевую истину. Или я не прав?

— При посвящении в истинную мудрость человеческим сознанием принимается принцип работы, принцип ума, — принялся объяснять мой собеседник. — Ведь всё Божественное в человеке постигается только с постепенного выполнения работы над собой, только тогда адепт сможет проповедовать совершенство и Божественную мудрость.

— Вы решили сотворить мистерию воскрешения Проповедника? — усмехнулся я. — А что: день вам подходит, вероятно, по лунному календарю; физиологический материал, то есть я, наверное, тоже пока что устраивает. В чём проблема? Почему бы не устроить мистерию посвящения в Екклесиасты? Небось, уже и князь мира сего заранее благословил эту мистерию посвящения?

— Каждый человеческий подвиг, — снова терпеливо принялся объяснять мне камзольный незнакомец, — даже самый незначительный, начинается с мистерии. Недаром было сказано:

«Премудрость же глаголем в совершенных, премудрость же века сего, не князей века сего престающих: но глаголем премудрость Божию в тайне сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу: юже никтоже от князей века сего разуме. Аще бо быша разумели, не быша Господа Славы распяли».¹³

— Откуда же вам православный язык известен, и что делать сейчас мне для соблюдения нездешних тайн? — улыбнулся я.

Мужчина чуть нахмурился, однако, быстро согнал с лица всякое недовольство и совершенно спокойно продолжил:

¹² Сен-Жермен. Автобиографический сонет.

¹³ Апостол (1Кор, II, 6, 7, 8).

– Если вас интересует язык, то я, путешествуя по земле, в каждой стране разговаривал на принятом там языке. Но наиболее точный перевод приведённой цитаты, думаю, с древнегреческого: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которой никто из властей века сего не познал...». Теперь выражаюсь понятнее?

– По-вашему я из тех слуг, вокруг кого можно и должно проповедовать установленные вами истины? – съехидничал я.

– Естественно, – уверенно произнёс мой камзольный собеседник. – Когда-то мне уже пришлось побывать в вашей стране, и тогда стало известно, что по российским просторам принялись расселяться сигариты, то есть обособленные евреи, обосновавшиеся в основном в Каменец-Подольской губернии.

– Это было так давно и неправда, что вспоминать об этом сейчас?

– Это, к сожалению, правда, – возразил он. – Потому как члены секты стремились каждого первенца своего рода крестить отдать на воспитание нуждающимся в детях семьям, предлагая при этом все заботы, чтобы ребёнок обязательно сделался христианским священником, то есть самым настоящим Проповедником. Сигариты были убеждены, что его кровь послужит в пользу кагалу. А вы – один из немногих наследников этого рода. Как, допустим, Александр Мень был у вас Проповедником, помните его? Теперь ваша очередь. Вот почему вы здесь. Вот почему я вам рассказываю историю мира, даже могу научить любому прочтению документов. Это вам будет необходимо. К тому же, кагал Мирового правительства захватил было власть, и объявил её властью Советов. Но каких? Никаких Советов в то время в России не наблюдалось. Вот и рухнула эта временная власть, ибо без царя и без Бога никакой державы не получится.

– Поймите, вы утверждаете, что кто-то из моих предков был верным евреем, из расплодившихся в России сигаритов? – недоверчиво хмыкнул я. – Собственно, не буду спорить, отыскивать кости в курином яйце – глупо, да и не нужно вовсе. Евреев я никогда не называл жидами, но называю жидовней всех и каждого, кто сознательно торгует своей или чужой душой независимо от национальности. Так что жида есть в каждой стране, во всех национальностях и во все времена. Жадность и зависть беспощадно уничтожают любого из живых. Кстати, в нашей многонациональной стране никогда не возникало национального вопроса. Впервые этот вопрос появился в 1918 году с лёгкой руки Лейбы Бронштейна, ставленника Америки. Не знаю, сигаритом он был или простым жидом, но у меня на поднятую им тему свои соображения:

Это просто смех до колик
в установке наших дней:
если русский – алкоголик,
если трезвый – то еврей.
Коли так, позвольте вспомнить,
кто Россию погубил?!
Ленин-Бланк для нас, что Кромвель:
тут обрезал, там убил...
И могучая Россия
продаётся с леганца
евро-денежным мессиям
от начала до конца.
Что ж, давайте жить красиво,
Божий суд судьбу вершит!
Если ты продал Россию,
значит, нерусь, значит, жид.
Я живу на минном поле,

будто дичь среди зверей.
Русский я! Не алкоголик!
И, представьте, не еврей.

Так что насчёт принадлежности к сигаритам я могу с вами поспорить. Сапиенс становится человеком, лишь когда начинает понимать, что слова губят добродетель и наоборот. Меня гораздо сильнее заинтересовало ваше свободное владение множеством иностранных языков. А судя по вашему платью... Уж не с самим ли Калиостро мне выпало познакомиться?

– Это мой ученик.

– Ученик?! Так вы... так вы...

– Граф Сен-Жермен, – поклонился мой собеседник. – Я убедился, что вы не случайно здесь оказались, что ваше будущее – должно способствовать слиянию вашего временного пространства с Богом. Для этого просто надо выполнять закон и через приложение его к жизни достичь сознательного бессмертия.

– Бессмертия? А для чего? – удивился я. – Собственно, для вас бессмертие, может быть, цель жизни, но мне-то оно зачем? Я думаю, что сознание человека растёт не от количества времени, прожитого на этой ступени развития, а от того, что сделал и для кого сделал. Тогда бессмертие становится просто тавтологической бессмысленностью. Или я не прав?

Этот вопрос заставил мужчину поперхнуться на полуслове. Он уже совсем по-другому посмотрел на меня, но всё же решил закончить не совсем удавшееся посвящение хотя бы для того, чтобы вернуть украденного словоблуда в свой, отпущенный ему мир и в привычное время живым и невредимым, правда, с небольшим воспоминанием о случившемся приключении. Но я был слишком хорошего мнения о мистическом графе. Для него наше знакомство было необходимо в каких-то своих сакраментальных интересах. Он решил продолжить нашу беседу и вспомнил даже высказывание греческого философа:

– Я помню Ориген, один из древних мудрецов, сказал как-то в своих толкованиях на Евангелие от Иоанна: «Для тех, кто понимает буквально, мы преподносим Евангелие с исторической точки зрения, проповедуя Иисуса Христа и Его распятие; но знающим, воспламенённым любовью к Божественной Мудрости, мы сообщаем Логос». И если вы будете – а вы будете – следовать этому, то следите за своей не только речью, но и поведением. Это касается в первую очередь прочитанного вами стихотворения. Я бы сказал даже, надо говорить всегда, о чём думаешь, но думать, о чём говоришь. Вот послушайте песни Поймандра¹⁴ Богу-Отцу.

Граф замолк и через несколько минут откуда-то послышался мужской голос, взлетающий речитативом под довольно высокие стрельчатые своды помещения:

«Святой есть Бог, Отец Вселенной. Свят Бог, чья воля исполняется Его собственными силами. Свят Бог, который желает быть известным, и который известен тем, кто принадлежит Ему. Свят еси, словом сотворивший всё сущее. Свят еси, чей образ воспроизводит вся природа. Свят еси, которого не создала природа. Свят еси, сильнейший всяческих сил. Свят еси, величайший всех величеств. Свят еси, превышающий все похвалы. Я верую в Тебя и свидетельствую о Тебе. Я иду к жизни и свету. О Отче, благословен будь; человек, принадлежащий Тебе, желает разделить Твою святость, ибо Ты дал ему в этом полную власть».¹⁵

– Хвалебная и славимая песнь Поймандра, не правда ли? – граф прервал речитатив и посмотрел мне прямо в глаза. Это было существенно, поскольку, мягко говоря, нечестные люди в глаза глядеть не могут. – Можно было бы поверить в молитву, если б жертвой, возносимой Богу, не были вы сами.

– Вместо жертвы – я сам?!

¹⁴ Поймандр (др. греч.) – пастырь мужей. Соблазнитель.

¹⁵ Гермес Трисмегист, «Песни Поймандра».

Это заявление было более чем нахальным. Высокие песни о высоких материях, а в результате – поиск стрелочника. Если граф тоже использует меня, как стрелочника, то у нас никакого диалога не получится. Но следовало всё же расставить точки над «и»:

– Я?! Жертва?!

– Вы. Конечно вы, – пожал плечами Сен-Жермен. – Разве никогда не посещала вашу голову мысль: откуда это всё вокруг происходящее? Зачем это всё? Почему я здесь, в этом мире? Что я должен сделать и кому это надо?

– Да, – согласился я. – Только думал, что явное прояснится: и это помещение, и моё тело в гробу где-то там. Понятно, такие вещи просто так не случаются, но зачем гроб? Зачем ненужная мистерия? Зачем слияние противоположностей? Зачем ваш чтец распевал мне песни Поймандра? Он жил когда-то, может быть, но совсем не нужен сейчас. Не получается ли из всего этого винегрет? Или у вас принято из пушки стрелять по воробьям?

– В гробу находится ваше изображение – должна быть принесена жертва. Правда, не кровавая. Но язык символов выдуман не нами. Любой символ у нас – зеркальное отображение в вашем мире. Но не кручиньтесь, всё хорошо закончится. Думайте в будущем кому верить и не бойтесь упасть. Это я к тому, что вы ухватились за алтарный выступ, будто упасть готовы. Неужели беседа со мной так подействовала?

При этих словах я обратил внимание, что стою, вцепившись обеими руками в края треугольного алтаря побелевшими от хватки пальцами. Надо же! Словесные упражнения графа для меня были немного непривычны, но ведь и встреча с таким человеком случается не каждый день. Ради меня граф вынырнул из потока времени и решил уговорить стать Проповедником, потому как у самого Екклесиаста это не получилось.

В удивительный Пасхальный праздник происходят удивительные чудеса. Самое интересное, что Вальпургиева ночь случается накануне Пасхи тоже не каждый год, а только раз в шестьдесят лет. Но всё же хотя бы раз в шестьдесят лет ведьмы и лешие пляшут на Лысой горе в честь Воскресения Христова!

В ту же секунду запахло озоном, и по обеим рукам прокатился удар током, исходящий от мраморной алтарной плиты. Боль по рукам поползла вверх и скоро достигла головы. Повторение ночного бреда? Похоже на то. Вскоре я уже ничего не видел перед собой – ни комнаты, ни собеседника, ни треугольной мраморной тумбы – только боль, накатывающаяся клубами смрадного дыма, только ужас от прошлого перед будущим. Но будущее уже не могло избавить от памяти боли. Она возвращалась обычно в экстремальных ситуациях, заглушая мысли, чувства, интуицию.

– Перед честным собранием общества «Искателей истины» я официально объявляю мсье Сен-Жермена, – послышался чей-то скрипучий голос, – я объявляю его в якобинстве, подстрекательстве к революции, её раздувании, в атеизме, аморальности и совращении девушек!

Я открыл глаза. Возле треугольного алтаря стоял католический священник в черной атласной сутане, размахивая указующими перстами обеих рук перед живописно и богато разодетой средневековой публикой, расположившейся на скамье вдоль стены. Толстенький монашек так был уверен в своей правоте и неприкосновенности, что не заметил поднявшегося со скамьи высокого господина в седом парике и строгом чёрном камзоле. Он вышел к треугольному алтарю, спокойно отодвинул монаха в сторону и обратился к присутствующим:

– Господа! Аббат Баррюе огульно обвиняет графа де Сен-Жермена, а заодно и общество «Воссоединившиеся друзья» в масонстве, мистике, колдовстве и даже в сексуальной нечистоплотности. Обвинения настолько тяжелы, что прежде, чем их выдвигать, человек честный и справедливый должен иметь на руках самые достоверные подтверждения совершённых преступлений; тот же, кто не боится выдвигать обвинения публично, не будучи в состоянии представить такие подтверждения, заслуживает сурового наказания по закону, а если закон по какой-либо причине бессилен это сделать, – всеми праведными людьми.

– Послушайте, господин Мунье, – выкрикнул один из присутствующих с места. – Я знаю вас, как честного человека и писателя. Но вы защищаете сейчас авантюриста, алхимика, мистика и извращенца. Этот авантюрист умер два года тому назад в датском Хольштейне! Я знаю это! Несмотря на то, что он мёртв, многие всё ещё считают его живым или же, что он вскоре оживёт! А он мёртв давным-давно, гниёт в земле, как и все обычные люди, не способные творить чудеса и никогда не общавшиеся с князьями да принцами!

– Кто это сказал, что граф де Сен-Жермен со мной не общался? – произнёс негромко господин в золочёном камзоле, сидящий чуть в стороне, но на этой же скамье и опиравшийся на шпагу с эфесом, разукрашенным драгоценными камнями, которую он держал между ног.

По толпе присутствующих пробежал шум возбуждения. Но вдруг северные чёрные двери распахнулись, и в зал твёрдым шагом вошёл сам граф Сен-Жермен живой и невредимый. Он прошагал прямо к тому месту, где сидел принц, встал пред ним на одно колено и, прижимая к груди шляпу со страусовым пером, отвесил поклон.

– Сир, я к вашим услугам...

Принц благосклонно кивнул, а по толпе снова пробежала волна трепетного шёпота. Я закрыл глаза и тряхнул головой, так как вместе с шёпотом на меня накатила боль. Неужели только через боль можно достигнуть чего-то существенного? Не слишком ли дорогое удовольствие?

Я открыл глаза. В круглом зале никого не было.

Значит так. Надо собраться с мыслями.

На Пасху в этом году гуляет и нечисть. Ничего себе, Разгуляй устроили. Я снова тряхнул головой. Мой собеседник никуда не пропал, не испарился. Просто ждал, пока я очухаюсь от побочных видений.

– Похоже, что вы здесь на приёме второсортных адептов специализируетесь. Не надоело старьёвщиком подрабатывать? – я попытался не совсем безобидно укусь графа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.